

ВЕСНІК

Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя Янкі Купалы

Серыя 1

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
і сацыялогія
Культуралогія
Педагогіка
Псіхалогія
Правазнаўства
Філалогія

3(21), 2003

Э.С.Ярмусик**КОСТЁЛЫ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ И
ДУХОВНОСТИ НАРОДА**

В статье освещается роль и значение католических храмов в духовной культуре народа, прослеживается через костёл неразрывная связь поколений. Во все исторические эпохи костёлы служили людям нравственной опорой, источником духовной силы. Тяжелые испытания выпали на долю костёлов в XX веке. Борьба с религией в советской Белоруссии неизбежно вела к закрытию, разрушению и уничтожению костёлов. Белорусский народ лишился многих бесценных памятников архитектуры и декоративно-прикладного искусства. Невосполнимый урон нанесен духовности народа. Однако верующие не прекращали все это время борьбу за возвращение сакральных святынь. Ситуация изменилась лишь в конце 1980-х годов.

История христианства на белорусской земле насчитывает тысячелетие. Наши предки с уважением относились к Богу, верили в Его могущественную силу, определяли по Нему свою земную жизнь. Свидетельство тому – величественные высокохудожественные храмы, возводимые с любовью и мастерством нашим народом. Разделение христианства на западную и восточную ветви внесло изменения в культовую архитектуру. В церковном строительстве преобладал «византийский», «русский» стиль, костельное испытывало большее влияние Запада. В архитектуре костёлов переплелись различные стили, отражающие особенности эпох, стран, народов. Многие костёлы возводились и украшались по проектам известных европейских архитекторов.

Костёлы по своему значению и месту в истории занимают особое положение. Являясь в первую очередь «Домом Божиим», почитаемыми христианскими святынями, костёлы в то же время – памятники истории и культуры народа, воплощение его таланта, непревзойденного мастерства, души, чаяний и надежд. Костёлы несли и несут в себе возвышенную миссию в земном бытии, являясь олицетворением душевной чистоты и духовного богатства.

Костёлы строили десятки тысяч людей различной этнической, национальной или конфессиональной принадлежности. Вот почему костёлы – достояние народа той страны, на земле которой воздвигнуты. Судьбы костёлов – судьбы людей. Костёлы, как и люди, пережили войны, нашествия чужеземцев, стихийные бедствия, пожары. Время не пощадило многие из них. Но на месте обветшалых, разрушенных восставали новые.

В прежние века костёлы строились на средства высоких коронованных особ, светских или духовных лиц. Тогда они символизировали власть и богатство. И это накладывало свой отпечаток на облик костёлов, их внутреннее убранство.

Так, Костёл Пресвятой Троицы в д. Ишкольд Барановичского района Брестской области построен во второй половине XV века из кирпича старостой витебским, смоленским, любельским и мценским Николаем Немировичем; Костёл Матери Божьей Ангельской (францисканский) в Гродно построен в 1635 году на деньги Сусанны и Евстафия Курчей; Костёл Успения Пресвятой Девы Марии в г. Дятлово Гродненской области – в 1624 – 1646 гг. на деньги владельца местечка Льва Сапеги на бывшей Рыночной площади и другие [9, с.73 – 74, 46 – 48, 56 – 58]. Но были костёлы и поскромнее, не столь роскошные и богатые. Их строили на свои сбережения небогатые дворяне, помещики, мещане, а то и всем миром (деревней, приходом).

Костёлы служили народу моральной опорой и поддержкой в лихую годину тяжелых испытаний и невзгод, вселяя веру в лучшую долю, добро и справедливость.

К сожалению, история знает немало примеров, когда власть имущие пытались «натравить» католиков на православных, используя в этих целях храмы. Их изымали «по высочайшему повелению» у католиков и передавали православным, нарушая тем самым конфессиональный мир и земной покой. До сих пор бытует мнение о костёлах как опорных пунктах католицизма, Ватикана, осуществляющего экспансию при помощи римских пап на Восток. В сознании части населения костёлы представляются символами ополячивания и окатоличивания белорусов, насаждения чужеродной культуры.

Тяжелые испытания выпали на долю костёлов в XX веке. Проходившая в советской стране самая длительная за всю историю антирелигиозная война вела к полному уничтожению любой религии, изъятию ее из общественно-политической жизни. «Освобождение» сознания советских людей от «пережитков прошлого» сопровождалось беспрецедентным по своей бессмысленности, жестокости и цинизму уничтожением костёлов.

До Октябрьской революции в восточных областях Белоруссии (Минской, Бобруйской, Полесской, Витебской, Полоцкой, Могилёвской, Гомельской) насчитывалось 84 костёла. В конце 1940-х годов не осталось ни одного действующего, ни одной зарегистрированной религиозной католической общины, ни одного ксендза [10, л.2].

В 1920 – 30-е годы на улицах и площадях городов Советской Белоруссии пылали костры из богослужебных книг, икон, церковной утвари. На металлолом отправлялись предметы декоративно-прикладного искусства – кресты, подсвечники, дарохранительницы, монстранции, в утильсырьё – ризы, шитые золотом и парчой облачения священнослужителей, ковры и др. Никто не может установить точного размера ущерба, нанесённого культуре и духовности страны.

Не пощадила костёлы и вторая мировая война. Всего в границах современной Беларуси было уничтожено, сожжено или разрушено 77 костёлов, в т.ч. в Барановичской области – 15, Брестской – 5, Гродненской – 13, Молодечненской – 11, Минской – 4, Пинской – 9, Полоцкой – 1. Немцы увезли немало ценных икон и дорогой утвари из многих уцелевших костёлов [26, с.152].

В послевоенный период советская власть продолжила наступление на религию, а соответственно, и на действующие в западных областях Белоруссии костёлы. В дореволюционное время их здесь насчитывалось 157, в 1938 году количество увеличилось до 419, в 1945 году составило 325 [17, л.196].

Закрытие и разрушение храмов носило целенаправленный характер, осуществлялось якобы на «законных основаниях». По советским законам все молитвенные здания и культовые предметы, находящиеся в них, являлись собственностью государства. Молитвенные здания и культовое имущество передавались

верующим на правах аренды в бесплатное и бессрочное пользование. Арендный договор на здания подписывался не менее чем двадцатью членами религиозного общества, которым вменялась полная ответственность за сохранность зданий и культового имущества. На религиозное общество возлагались расходы, связанные с владением зданием и имуществом (земельная рента, налог со строений, страховые взносы). На культовое имущество составлялась инвентарная опись [22, л.135].

Подписание типовых договоров т.н. «двадцаток» с представителями местных органов власти о приеме молитвенных зданий (костёлов) и предметов культа от Совета депутатов трудящихся в бессрочное и бесплатное пользование означало, что костёлы и все костельное имущество составляли народную собственность. Это противоречило канонам римско-католического Костёла, *Codex Iurі Canonісі*, согласно которому костельные здания и литургические предметы составляют собственность католической Церкви. Высочайшим администратором и распорядителем этой собственности – *Supremus administrator et dispensator* – является римский папа. Далее идут как администраторы этой собственности епархиальные управляющие на своих территориях – *ordinarii locorum*. Наконец, по приходам, согласно каноническому кодексу, управление костельной собственностью возлагалось на настоятелей (ксендзов).

Национализация советской властью костёлов и иного имущества вызывала законный протест со стороны католического духовенства. В июне 1947 года 15 ксендзов Островецкого и Свирского районов Молодечненской области обратились с письмом к Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М.Швернику, в котором выразили недоумение и протест по поводу кампании заключения договоров. «До сих пор мы, настоятели, как и наши верующие, были уверены, что костёлы и вся литургическая утварь и со времени прихода власти Советского Союза, осталась собственностью католической церкви, – писали они. – Если бы костёлами с их предметами культа управляло не духовенство, а народ, если бы нами настоятелями управлял Советский Союз, а не Римский Папа, если бы мы были лишены права обучать молодёжь религии, то все это превратило бы нашу религию во что-то существенно иное чем Католическая Церковь – наша религия» [11, лл.166 – 167].

Глазу духовных пастырей, как и верующих, выступающих в защиту святынь, власти не внимали. Костёлы закрывались один за другим, верующие лишались права отправлять религиозные обряды. Литургические предметы и костельное имущество, представляющие собой нередко ценные произведения декоративно-прикладного и изобразительного искусства, из-за попустительства местных органов власти попросту расхищались. Так, с 1936 года костёл в г. Борисове был занят под музей, а во время войны действовал. 19 января 1946 года Минский облисполком передал здание управлению культуры под кинотеатр. Оставшееся имущество – 55 венских стульев, 3 люстры и другое, на сумму около 3 тысяч рублей, распределили между столовой, клубом и кинотеатром [15, л.112].

В г. Бобруйске костёл возведён в стиле неоготики в начале XX века на месте костёла св. Апостолов Петра и Павла XVI века. В 1912 году под ним похоронили каноника и диакона костёла Яна Красовского. Ажурный пёстрый силуэт храма придавали ряды высоких фиал, завершающих настенные контрфорсы и основные шатра каркасной башни-колокольни.

В едином стиле были исполнены интерьер храма, его убранство – амвон, исповедальни, мебель. В алтаре находилась икона «Непорочное зачатие Божьей Матери» – копия известной картины испанского художника Б.Мурильо.

В 1930-е годы здание использовалось местным коммунхозом, во время войны в нем проводились службы для немецких солдат, а затем местных католиков. С 1947 года костёл передан местному музею под выставочный зал. Здание находилось в запущенном состоянии, хоры превращены в свалку мусора. Музей не имел никаких документов на владение костёлом [21, лл. 125 – 128].

В феврале 1945 года в ведение Центрального государственного исторического архива был передан костёл в Могилёве. Все культовое имущество – иконы, подсвечники, хоругви и прочее – было роздано, как свидетельствует акт, верующим. Среди прочего имущества – 60 металлических подсвечников, 2 иконы святого Антония, 1 икона святой Терезы, 1 икона Бельничской Божьей Матери, 1 икона Остробрамской Божьей Матери, 1 икона Сердца Иисуса и многое другое. В акте не указывалось, кто стал пользователем этого имущества, что даёт основание полагать, что оно кем-то было попросту присвоено [12, лл. 73 – 75].

В Национальном архиве РБ хранится «Информационная записка О реализации Браславским райисполкомом культового имущества Браславского и Иказненского костёлов, а также фактах разбора культового имущества верующими, Идольского, Друйского и Миорского костёлов» Уполномоченного Совета по делам религий по Полоцкой области. В ней приведены факты варварского разграбления и разбазаривания, при попустительстве Браславских райисполкома и райфо, т.н. «бесхозного» имущества костёлов, ксендзы которых скрывались от органов МГБ и находились на нелегальном положении. Поскольку «передать безвозмездно костельное имущество другим действующим костёлам не представлялось возможным из-за отсутствия таковых на территории Браславского района, – отмечается в записке, – пригодное для реализации имущество Браславского и Иказненского костёлов реализовано райфинотделом через горпо (городское потребительское общество)».

Автор записки отмечает о сданных «как утильсырьё» комплектах для богослужений, самотканых полотенцах с вышитыми крестами и прочего «тряпья весом 19,2 кг по цене 20 коп. за кг на сумму 2 руб. 84 коп.» в Браславском и 28,8 кг на сумму 5 руб. 76 коп. в Иказненском костёлах.

Не менее варварским способом разделались и с литургическими предметами. Металлическая дарохранительница (1), чаши металлические (5), монстранция металлическая (1), кадила металлические (2), кресты металлические (7), подсвечники (20), колокольчики (3), лампа (1), фонари (6) из Браславского костёла «в присутствии комиссии были взвешены и сданы как цветной металлолом. При чем оказалось 80 кг на сумму 64 рубля». Аналогично поступили и в Иказненском костёле. В металлолом сдано 50 кг на сумму 40 рублей. Лишь одна чаша из желтого металла отправлена в Управление драгоценных металлов при Министерстве финансов СССР. То, что не сумели распродать – иконы, органы, мебель, хоругви, скульптуры и другое – свалили в отдельные помещения в костёлах [13, лл. 11 – 14].

На религиозные общества и духовенство тяжелым бременем ложились обязательные налоги. Финансовые органы периодически увеличивали размеры земельной ренты и налога со строений (костёлов). В Видзовском религиозном обществе (Видзовский район Полоцкой области) после переоценки здания костёла в 1950 году райфинотдел начислил религиозному обществу 26 410 руб. (вместо 5 816 руб. в 1949 г.) и задолженности за 1950 г. 13 000 руб., всего 39 410 руб. Такую сумму верующие были не в состоянии выплатить, поэтому и отказались от дальнейшего содержания костёла, а культовое имущество передали в Дрисвятский костёл [18, лл. 48 – 49].

В результате такой политики в восточных областях в 1945 – 1946 годах пустовало 33 костёла: в Минской области – 18, в Бобруйской – 6, Витебской – 6, Могилёвской – 2, Гомельской – 1. Богослужения в них не проводились, под склады и культпросветучреждения они еще не были переданы. Надеясь вернуть католические святыни, в 1945 – 1947 годах верующие написали несколько настоящих заявлений об открытии костёлов в Москву, в Совет по делам религиозных культов, и республиканскому уполномоченному. Писали католики Бобруйска, Могилёва, Минска, Дзержинска и других населённых пунктов восточных областей БССР. Однако их ходатайства отклоняли. Как заявил уполномоченный Совета по делам религиозных культов по БССР К. Уласевич, «удовлетворение ходатайства верующих католиков привело бы к оживлению религиозных настроений одной из реакционнейших церквей, что было политически невыгодно» [10, лл. 3 – 4].

По состоянию на 1 января 1948 года по 5 западным областям республики (кроме Пинской) насчитывалось 307 костёлов (Брестская – 30, Барановичская – 60, Гродненская – 89, Молодечненская – 71, Полоцкая – 57). По неполным данным, 50 из них пустовало, 14 было занято под культпросвет и другие учреждения [16, л. 51].

В конце 40-х годов Гродненский горсовет усилил притязания на Бригитский монастырь, памятник архитектуры XVII века, один из величественных комплексов культового зодчества, построенный на средства К. и А. Веселовских. Монастырский комплекс включает костёл, монашеский корпус, деревянный лямус, высокую ограду с воротами и угловыми 8-гранными башнями [9, с. 45 – 46]. В 1945 году в монастыре пребывало 27 монахинь, живущих за счет огородничества. В 1950 году осталось лишь 9 вместе с настоятельницей Констанцией Дроздовской.

Гродненский горсовет обосновывал своё «право» на монастырь «отсутствием в городе строительства социально-культурных учреждений после войны, потребностью в расширении медицинских учреждений», в то время как монастырь располагал площадью 2993,3 кв м., в т.ч. жилой 1682 м², служебной 1311,3 м². Монахинь выселили в небольшой дом по ул. К. Маркса, 26, а в монастырском комплексе с 1950 года разместился областной психоневрологический диспансер [5, лл. 35, 41].

Атака на костёлы несколько поутихла после смерти Иосифа Сталина в 1953 году. По указанию «свыше» в некоторых районах местные органы власти стали «исправлять» допущенное в прежние годы администрирование по отношению к религиозным обществам католиков, т.е. самовольное изъятие костёлов. 15 католических храмов перестали быть собственностью «Заготзерно» и других организаций. Однако 44 здания по-прежнему находились в распоряжении колхозов и советских учреждений [19, л. 258].

На 1 января 1954 года в четырёх областях республики пустовало 67 костёлов, в т.ч. в Брестской области – 8, Гродненской – 24, Молодечненской – 32, Минской – 3. Из числа недействующих костёлов по решению Совета по делам религиозных культов при СМ СССР передано под культпросветучреждения и для других целей – 47 (в т.ч. по Брестской области – 31, Гродненской – 8, Молодечненской – 8) [20, лл. 51 – 52].

Участь костёлов, превращённых в культпросветучреждения, оставалась плачевной.

Еще в 1919 году в Минске был закрыт костёл Наисвятейшей Девы Марии, памятник архитектуры XVIII века. Во время войны храм уцелел, однако постановлением ЦК КПБ и СМ БССР от 27 июля 1948 года здание передавалось в распоряжение Добровольного спортивного общества профсоюзов республики.

В 1951 году здание подвергли перестройке: были убраны башни и изменён фасад. Храм превратили в юношеский спортклуб. Сохранившееся описание интерьеров костёла начала XX века свидетельствует о его пышном убранстве, обилии скульптур, фресок, икон. Художественное оформление костёла в первой половине XVIII века исполняли Якуб Бретзер, Матвей Бейтник, Игнатий Дарети, архитектор Франтишек Карев, столяр Ян Шеферс. В конце XVIII века все своды и стены покрыли фресками на темы Нового Завета (художник К.Анташевский), иконы алтаря написали польские художники С.Чехович и И.Алешкевич [9, с. 97 – 98].

В августе 1992 года пикеты католиков блокировали кафедральный собор, требуя его возвращения в лоно римско-католического Костёла. Сегодня собор используется по назначению, однако восстановить его первоначанный внешний и внутренний вид уже не удастся [25, с.28 – 30].

Борьба верующих за возвращение отнятых храмов, за обеспечение государством конституционного права свободы совести и свободы отправления религиозных культов не утихала. Из регионов республики во все инстанции БССР и СССР направлялись письма, жалобы, просьбы.

Особую активность проявляли католики г. Минска. Не только жалобы, но и делегации верующих направлялись в Москву и Минск. В конце 1953 года на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е.Ворошилова поступило заявление с 896 подписями об открытии костёла Воздвижения Святого Креста на Кальварийском кладбище г. Минска, превращенного в мастерские похоронного бюро. Поводом для отказа требованиям верующих послужили, якобы, несколько поддельных подписей. На самом же деле, как признавался К.Улаевич, причина заключалась в «полученной еще в 1947 году установке ЦК КПБ, чтобы воздерживаться от открытия молитвенных домов и регистрации католических религиозных обществ в восточных районах республики» [20, л. 65].

В то же время уполномоченный вынужден был признать в записке на имя первого секретаря ЦК КПБ К.Т.Мазурова (13 июля 1955 г.), что «вышеуказанная установка противоречит неоднократным указаниям партии, законам и постановлениям Советского правительства о предоставлении свободы совести, свободы отправления религиозных культов гражданам СССР. <...> руководствуясь Постановлением СМ СССР от 10 ноября 1954 г. и Постановлением СМ СССР от 17 февраля 1955 г., я посчитал возможным удовлетворить просьбу католиков города Минска об открытии для них костёла». Принципиальное согласие выразил и секретарь ЦК КПБ Авхимович, но посоветовал «найти соответствующее помещение под молитвенный дом где-либо за городом» [20, л. 65].

Факты свидетельствуют, что в ряде случаев высшие должностные лица подерживали ходатайства верующих о возвращении незаконно отнятых костёлов. Об этом прямо указывал председатель Совета по делам религиозных культов при СМ СССР Полянский в письме уполномоченному по Молодечненской области Климанскому 23 марта 1953 года: «Вместо того, чтобы показать, насколько законна просьба верующих,... Вы уклоняетесь от ответа на поставленный перед Вами вопрос. ... Всё это основывается только на одном нежелании иметь действующее религиозное общество, не считаясь с настроением большого количества верующих, которые хорошо видят, как попираются их законные права на свободное отправление религиозного культа» [29, лл. 21 – 22].

Таким образом, «хрущевская оттепель» не внесла существенных изменений в конфессиональную политику партии и государства.

Поскольку в 1960-е годы ряд костёлов, хотя и были отняты у верующих, но сохраняли свой внешний вид и, главное, имели на куполах кресты, уполномо-

ченые Совета по делам религий и местные власти добивались «изменения архитектурного вида» костёлов, ибо, являясь «памятниками католицизма», они служили «поводом для наиболее фанатичных католиков возбуждать вопрос о возврате им костёлов, возбуждая этим самыми религиозные чувства верующих» [23, л. 47].

С 1949 по 1964 годы только в Брестской области было закрыто и «передано местным органам власти для использования по своему усмотрению» 44 костёла. Многие из них оборудованы под культпросветучреждения, к примеру, костёлы в Пружанах, Дрогичине, Лунинце, Микашевичах, Дивине, Давид-Городке, Жабинке, Бресте, Малом Городище – под дома культуры и клубы, в Домачеве, Телеханах, Молчади – под кинотеатры, в Бресте – под музей [23, л. 46].

В середине 1960-х годов только 10 костёлов в Брестской области оставались непереоборудованными, сохраняя свой внешний вид и кресты. Это костёлы в г. Высокое, д. Волчин Каменецкого, д. Дарево и Своятичи Ляховичского, д. Юшкевичи и Крошин Барановичского, д. Сигневичи и Сельце Березовского, г.п. Шерешево Пружанского районов. Все они использовались как складские помещения местных колхозов [23, лл. 46 – 47].

Уникально по своей исторической ценности здание костёла Пресвятой Троицы в д. Волчин, построенное в 1733 году по проекту итальянского архитектора. В 1866 году костёл передан по приказу гродненского губернатора православным, а в 1918 году возвращён католикам. Храм находился возле парадного въезда в дворцово-парковую резиденцию Чарторьских. В этом магнатском дворце в 1732 году родился будущий последний король Речи Посполитой Станислав Август Понятовский. Храм стал местом его последнего пристанища. Даже в 1960-е годы он сохранял во многом свой первоначальный вид. На фронте здания по бокам возвышались фигуры апостолов. Незадолго до начала второй мировой войны склеп Понятовского был разрушен и разграблен. И хотя в 1960-е годы правительство Польши ставило вопрос о переносе королевских останков на Вавель, место погребения всех польских королей, однако по идеологическим соображениям тогдашние власти оставили дело открытым [9, с.30; 23, лл.46 – 47].

В таком же неприглядном виде в д. Закозелье Дрогичинского района находились построенные в 1839 году каплица и фамильная усыпальница Ожешков и последующих владельцев – Бобрынских, Толочков. По преданию, польская писательница Элиза Ожешко прятала здесь от преследования царскими властями Ромуальда Траугутта, одного из участников восстания 1863 – 1864 годов после разгрома его отряда. К сожалению, отсутствие охраны памятника привело к тому, что нашлись негодяи, которые извлекли останки погребений из ниш подвала в поисках драгоценностей. В 1960-е годы ставился вопрос о сносе здания [9, с. 64 – 65].

Впечатляющие данные по Гродненской области. С 1939 по 1967 год прекратило действовать 228 молитвенных зданий, из них снесённых, ветхих и находящихся на кладбищах – 107, переоборудованных (со снятием крестов и куполов) – 62, не нарушен внешний вид и стояли с крестами – 59, в том числе 34 использовались колхозами и совхозами под складские помещения. Никому не переданы и находились в бросовом состоянии 9, а из 16 храмов не было даже вывезено культовое имущество [6, л. 14].

Наиболее вопиющий случай уничтожения старинного архитектурного памятника произошел в г. Гродно. 8 марта 1961 года была взорвана фара Витовта. Это первый в городе католический приходской костёл Пречистой Божьей Матери был основан великим князем Витовтом и находился на западной стороне старого рынка (ныне сквер на пл. Советской). В свое время костёл был одним из

самых крупных храмов ВКЛ. За многовековую свою историю храм неоднократно горел, разрушался. В начале XIX века по приказу царя Александра I костёл передан Православной Церкви, а в 1918 году вновь возвращён католикам. После второй мировой войны костёл использовался под зернохранилище, а с 1949 года под склады тонкосуконного комбината.

Уничтожение фарты Витовта не только нарушило целостность архитектурного ансамбля исторического центра Гродно. С лица земли навсегда стерто одно из выдающихся произведений архитектуры средневековья [24, с.701 – 703].

Однако полностью стереть костёлы с лица земли не дали сами верующие. Житейская мудрость, религиозное воспитание с детских лет объединяли их в борьбе за сохранение католических святынь. Во все инстанции СССР, БССР шли потоки жалоб, просьб, заявлений, делегации из различных мест Белоруссии направлялись в Минск, Москву. Верующие умоляли власти открыть костёлы, разрешить богослужения. Именно верующие, а не органы власти, оберегали от уничтожения не только костёлы, но и их культовое имущество.

В архивах республики сохранились десятки тысяч документов, свидетельствующих о том, как люди боролись за свою веру, как сохраняли от поругания и разграбления костёлы.

13 июня 1969 года в д. Голынка приехали представители Гродненского райисполкома М.А. Захаров и М.М. Жуковский. Им удалось завладеть ключами от костёла, хранившимися у сторожа. Несколько раз в райисполком приезжала делегация верующих, однако ответ чиновника привел их в смятение: «Бога нет, нечего в костёл ходить. Ищите место на костельные вещи, а то приеду выброшу все из костёла или отдам тряпичнику».

Верующим было непонятно такое поведение местных властей: налог и страховку платили исправно, содержали в порядке здание и культовое имущество. В жалобе в ЦК КПСС они писали: «Этот костёл ставили прадяды наши мы хотим чтобы наших прадядов была паметка нам мы верующие мы хотим молится за хороший урожай за здоровья за мир чтобы человек человека любил жили как братья А нам зделали такую печаль и ещо говорят уберайте вещи а то здадим трапочнику разве можно такие вещи здавать трапочнику или выбрасывать. Люди теи час собираются под стену костёла и молятся и поют и говорят, что мы сделали плохое что от нас закрыли костел...» [7, лл.108 – 109] (стиль письма сохранён – Э.Я.)

Непрекращающийся поток жалоб верующих Гродненской области об открытии костёлов создавал множество неудобств властным структурам, которым никак не удавалось одолеть «религиозные предрассудки» в конце XX века. В одном из документов за подписью уполномоченного Совета по делам религий А.И. Лыскова предлагались «в связи с высокой религиозной обрядностью среди населения области и непрекращающимися поступлениями заявлений... об открытии костёлов и церквей... предпринять на местах (в районах и городах) некоторые практические меры:

1. В населенных пунктах, где имеются действующие религиозные общества и ранее снятые молитвенные здания, более тщательно и детально вести атеистическое воспитание населения, особенно в школьных коллективах.

2. Проводить индивидуальную работу с авторами заявлений и подписавшими их гражданами в направлении разъяснения законности снятия с регистрации костёлов и церквей, возможности удовлетворения религиозных потребностей в соседних действующих религиозных объединениях. <...> Очень важно выявлять истинных вдохновителей и подстрекателей написания подобных заявлений, проводить с их окружением и родственниками соответствующую разъяснительную, профилактическую работу. <...>

3. Своевременно предпринимать предупредительные и административные меры в связи с намерениями и попытками отдельных фанатиков-католиков к самовольному овладению снятыми ранее с регистрации костёлами и организации там молений. <...>

4. В связи с тем, что в области имеется определенное количество снятых ранее с регистрации костёлов и церквей, но не используемых в хозяйственных целях, что создаёт определенные надежды у некоторых верующих к их возможному религиозному использованию, необходимо тщательно обследовать каждое снятое с регистрации молитвенное здание, определить меры к тому, что с этим зданием сделать» [2, лл. 5 – 6].

В 1980 – 1982 гг. поступили от 1 до 13 заявлений от католиков из 11 населённых пунктов Гродненской области об открытии костёлов. Общее число подписей под некоторыми заявлениями доходило до 1000 [3, л. 23].

В 1981 г. в Гродненской области имелось лишь 7 костёлов, снятых с регистрации в 1960 – 1965 гг., которые не использовались «в народнохозяйственных целях» и имущество которых удалось чудом сохранить. Это костёлы в деревнях Трокели Вороновского, Дуды Ивьевского, Голынка и Новая Руда Гродненского, Рогозница и Микелевщина Мостовского, Старые Василишки Щучинского районов. Верующие бережно охраняли костёлы от разграбления, открывали их в дни католических и религиозных праздников и по воскресеньям [2, л. 52].

Группа верующих в деревнях Трокели, Германишки Вороновского района, видя упорство властей, проникла самовольно в здания костёлов и стала проводить там богослужения [2, л. 55]. Верующие из д. Дуды Ивьевского района в апреле 1980 г. вывезли из костёла хранящиеся там удобрения, произвели ремонт и стали проводить богослужения. Фактически не прекратило свою деятельность снятое в 1961 г. с регистрации католическое религиозное общество в д. Трокели Вороновского района. В праздничные дни в костёле без ксендза собиралось до 400 – 500 человек [4, л. 54].

С конца 1980-х годов конфессиональная ситуация в республике постепенно стала изменяться. Показателем «потепления» государственно-конфессиональных отношений и признания прошлых ошибок стало возвращение верующим в пользование или собственность 291 костёла (данные на 1.01.1999 г.). Ныне в республике 306 римско-католических храмов, еще 34 в стадии строительства [8, с. 31].

Возвращённые костёлы в большинстве своём лишены первоначального вида. Многие изувечены, обветшали, требуют капитального ремонта. Голые стены, отсутствие внутреннего убранства – все это напоминает о трагической судьбе, выпавшей на долю католических костёлов.

Государственный архив Гродненской области:

1. Ф. 475. Оп. 1. Д. 147.
2. Ф. 475. Оп. 1. Д. 148.
3. Ф. 475. Оп. 1. Д. 158.
4. Ф. 475. Оп. 1. Д. 163.
5. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 17.
6. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 81.
7. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 127.
8. Земляков Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования. – Мн.: РИВШ БГУ, 2001. – 208 с.
9. Каталіцкія храмы на Беларусі. Энцыклапедычны даведнік. 2-е выданне. – Мн.: «Беларуская энцыклапедыя», 2001. – 216 с.

Национальный архив Республики Беларусь

10. Ф. 4. Оп. 62. Д. 70.
11. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7.
12. Ф. 952. Оп. 1. Д. 13.
13. Ф. 952. Оп. 1. Д. 25.
14. Ф. 952. Оп. 1. Д. 81.
15. Ф. 952. Оп. 2. Д. 7.
16. Ф. 952. Оп. 2. Д. 13.
17. Ф. 952. Оп. 2. Д. 23.
18. Ф. 952. Оп. 2. Д. 34.
19. Ф. 952. Оп. 2. Д. 38.
20. Ф. 952. Оп. 2. Д. 49.
21. Ф. 952. Оп. 2. Д. 51.
22. Ф. 952. Оп. 4. Д. 43.
23. Ф. 952. Оп. 4. Д. 44.
24. Памяць. Гродна. Гісторыка-дакументальная хроніка. – Мн.: «Беларуская Энцыклапедыя», 1999. – 712 с.
25. Судьба католического храма в Минске // Истина и жизнь. – 1993. – № 1/2.
26. Ярмусик Э.С. Католический Костёл в Белоруссии в годы второй мировой войны (1939 – 1945). – Гродно, 2002. – 240 с.

Поступила в редакцию 14.05.2003.

The article deals with the role and significance of Catholic Churches in the spiritual culture of the people and an indissoluble link between generations is traced through Roman Catholic Church.

Catholic churches served as a moral support, a source of spiritual power in all historic epochs. They suffered appalling hardships in 20th century. The anti-religious struggle in Soviet Belarus led inevitably to closing, destruction and extermination of Catholic churches. Belarusians were deprived of numerous invaluable monuments of architecture and decorative and applied art. Irreplaceable casualties were inflicted on the spirituality of the Belarusian people. However believers didn't stop their struggle for returning of the sacral objects. The situation changed only at the end of 1980 s.

Ярмусик Эдмунд Станиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я.Купалы